

УДК 94(571)+912.43(093)
<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2024.48.5>

Карты Дальнего Востока России XVIII в., составленные участниками академических и правительственных экспедиций и на их основе, как источник по истории изучения региона и картографии как науки

И. А. Шипилов*

Институт истории СО РАН, г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Осуществлена апробация теоретико-методологических принципов неоклассической парадигмы исторической науки, антропологического и пространственного поворотов, междисциплинарного подхода при изучении карт Дальнего Востока XVIII в., выполненных участниками российских академических и правительственных экспедиций и на их основе. По этим материалам показана эволюция картографии и картографического метода в России. Исследована роль карт как особой формы репрезентации хода и результатов научного освоения Дальнего Востока. Выявлены функции конкретных элементов содержания карт и влияние автора карты на качественные характеристики картографического изображения. Рассмотрена история бытования отдельных картографических материалов. Репрезентировано значение карт как комплексных исторических и историко-научных источников.

Ключевые слова: картографирование Дальнего Востока России в XVIII в., научное освоение региона, академические и правительственные экспедиции, становление и развитие картографии, карты и картографические материалы, форма и содержание карты, картографические источники.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке проекта по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: сохранение и развитие традиций» (FWZM-2024-0006).

Для цитирования: Шипилов И. А. Карты Дальнего Востока России XVIII в., составленные участниками академических и правительственных экспедиций и на их основе, как источник по истории изучения региона и картографии как науки // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2024. Т. 48. С. 5–14. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2024.48.5>

Original article

Maps of the Russian Far East of the 18th Century, Compiled by Participants of Academic and Government Expeditions and Based on Them, as a Source on the History of the Study of the Region and Cartography as a Science

I. A. Shipilov*

Institute of History SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. The article has carried out the approbation of the theoretical and methodological principles of the neoclassical paradigm of historical science, anthropological and spatial turns, and an interdisciplinary approach to the study of maps of the Far East of the 18th century, made by participants of Russian academic and government expeditions and based on them. These materials show the evolution of cartography and cartographic method in Russia. The role of maps as a special form of representation of the course and results of scientific development of the Far East is investigated. The functions of specific elements of the content of maps and the influence of the actor on it are revealed. The history of the existence of individual cartographic materials is considered. The significance of maps as complex historical and historical-scientific sources is represented.

Keywords: mapping of the Russian Far East in the 18th century, scientific development of the region, academic and government expeditions, the formation and development of cartography, maps and cartographic materials, cartographic sources.

For citation: Shipilov I.A. Maps of the Russian Far East of the 18th Century. Compiled by Participants of Academic and Government Expeditions and Based on Them, as a Source on the History of the Study of the Region and Cartography as a Science. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2024, vol. 48, pp. 5-14. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2024.48.5> (in Russian)

В XVIII в. в России начинается и происходит научное освоение Сибири и Дальнего Востока. Научное освоение территории – это системный процесс перманентного и всестороннего изучения учеными и другими специалистами географии, природы и населения региона, его политического, экономического и социокультурного освоения в корреляции с исторической динамикой государства и науки. Данный процесс нашел отражение в разнородных и многочисленных источниках. Однако особым типом исторических источников, памятником истории картографии и специфической репрезентацией хода и результатов освоения Сибирского и Дальневосточного регионов на конкретном хронологическом отрезке и международной декларацией прав Российского государства на них является географическая карта. Согласно научной терминологии данный тип исторических источников именуется «старая карта»¹. В изучаемый период карта как титульный документ научной картографии в России смещает с этого «пьедестала» географические чертежи – основные памятники российской картографии и изографии донаучного изучения и освоения Сибири и Дальнего Востока, осуществленного в XI–XVII вв. купцами, промышленниками и служилыми людьми, называемыми в научной литературе землепроходцами. Чертежи и планы с XVIII в. переходят в разряд вспомогательных картографических источников, являющихся «эскизами» для будущей карты.

В современной исторической науке с теоретико-методологических позиций неоклассической парадигмы карты рассматриваются как математически определенные, уменьшенные (масштабированные) и генерализованные модели (изображения) поверхности Земли, другого космического тела или пространства на плоскости, показывающие расположенные или спроецированные на нее объекты в принятой системе условных знаков. Специфику

¹ Подробнее см.: [12, с. 3–22; 15]

карты как историко-географического документа определяют: во-первых, форма визуальной модели пространства, изображенной картографическим методом на математической основе, состоящей из определенных инструментально или вычисленных географических координат (широт и долгот) пунктов, заданного масштаба и выраженной в сетке параллелей и меридианов проекции; во-вторых, содержание, которое строится на описанном выше математическом каркасе и сочетает в себе изобразительные, письменные, смежные и специфические способы кодирования информации. Таким образом, карта, являясь одним из основных «языков» географии, представляет и самостоятельный «диалект», выраженный в системе условных знаков, математических, включая геометрические, графических, художественных, текстовых и иных элементах.

Антропологический и пространственный методологические повороты сместили познавательные акценты с попыток изучения историко-географического пространства как такового на его интерпретацию как социального конструкта, т. е. объективной реальности, отраженной в сознании людей [9; 14]. Одним из вариантов такого конструкта является карта как результат осознанной деятельности картографа, несущий на себе печать его личностных и профессиональных качеств.

В научной литературе старые карты, как правило, рассматриваются изолированно в рамках истории, географии, картографии, геодезии, математики, истории науки и других дисциплин. Однако специфика карт Сибири и Дальнего Востока как исторических источников, эклектичность их содержания, отражающего системный процесс научного освоения региона в исторической динамике, детерминирует использование когнитивного инструментария различных отраслей научного знания и применение междисциплинарного подхода.

В течение XVIII в. магистральным направлением российского научного освоения Северной Азии становится Дальний Восток и его следующие регионы: северо-восток материка и морской путь из Северного Ледовитого океана в Тихий, русско-китайская граница и приграничные территории в Примурье, Камчатка, Курильские, Командорские, Алеутские и другие острова в Северо-Тихоокеанском регионе. Основными исполнителями научного освоения стали российские правительственные и академические экспедиции, участники которых картографировали дальневосточные территории. Проанализируем их карты с обозначенных выше теоретико-методологических позиций.

Первой правительственной экспедицией, отправленной в 1719 г. Петром I для научного картографирования Дальнего Востока и ответа на вопрос, есть ли на крайнем северо-востоке Сибири перешеек между Азией и Америкой, изображенный на ряде чертежей землепроходцев и европейских картах, или имеется пролив между материками, как на общих чертежах Сибири 1667–1673 гг. [2, № 48, 50, 54–55; 11, с. 45–46], стало путешествие 1719–1722 гг. геодезистов И. М. Евреинова и Ф. Ф. Лужина². В 1722 г. И. М. Евреинов преподнес российскому императору «Ландкарту градов Сибирския страны и

² ПСЗРИ. Т. 5. № 3266. С. 607.

Камчатские земли», подготовленную им при содействии Ф. Ф. Лузина в ходе и по результатам экспедиции. Она стала первой картой Дальнего Востока (от Олёкминского района Якутии и Ленского бассейна до восточного побережья Камчатки и Курильских островов) на математической основе³. Картографическое изображение выполнено в равнопромежуточной цилиндрической проекции и линейном масштабе 60 миль в 1°. Внутренняя рамка ограничивает пространство между 0 и 48° в. д., 49 и 63° с. ш., параллели проведены через 1°, а меридианы – через 2°. Счет долгот велся от Тобольска, а широты считались от экватора. На нижней границе рамки имеется шкала минут с десятиминутным шагом. Астрономо-геодезическим обоснованием карты стали инструментальные определения широт пунктов и измерение расстояния между ними, которые указаны в каталоге – специальном геодезическом журнале. Евреинов и Лузин впервые в Дальневосточном регионе апробировали методику определения широт с помощью квадранта по полуденным высотам («селевациям») Солнца и кульминациям Полярной звезды, с которыми ознакомились во время обучения в московской Школе математических и навигационных наук и петербургской Морской академии. Геодезическая съемка и определение широт Евреиновым и Лужиным велись в соответствии с государственной инструкцией «Пункты, каким образом сочинять ландкарту» (1721 г.) и исключительно по маршрутному ходу экспедиции, на котором получены наиболее точные географические координаты Олёкминска, Якутска, Юдомского Креста в частности. Наиболее четко и относительно верно по направлениям русел показаны реки (Лена, Мая, Юдома и др.) одной или двумя линиями в зависимости от их ширины. Рельеф, растительный покров и другие элементы физической географии региона часто нанесены не в соответствии с их реальным размещением, но чтобы занять пустое пространство [7, с. 81–99]. Единая система условных знаков отсутствует. Для карты характерно более чем двухкратное сжатие площади с запада на восток. Это, на наш взгляд, являлось следствием использования глазомерных наблюдений, данных опроса местного населения и, главное, отсутствия технологии инструментального определения долгот, которые, как и широты объектов, удаленных от маршрута путешествия, вычислялись из разности широт и расстояния между пунктами или брались с предшествующих картографических материалов. Использование Евреиновым географических чертежей как источников объясняет экстраполяцию ошибок в отображении Камчатки, вытянутой под прямым углом с севера на юг. При этом Курильские острова верно сориентированы в юго-западном направлении. Отсутствие эмпирических данных о крайнем северо-востоке Сибири, с одной стороны, и сомнения в корректности его образа в материалах предшественников – с другой, обусловили тот факт, что эта оконечность Евразии выходит за географическую рамку карты И. М. Евреинова севернее 63° с. ш. [7, с. 80, вкл.]. Вопрос о «взаимоотношениях» Азии с Америкой оставался открытым и актуальным.

³ Все анализируемые далее карты имеют научную основу, элементы которой раскрываются по мере необходимости.

В 1724 г. секретарь Сената и один из руководителей геодезических и картографических работ в России И. К. Кирилов по поручению Петра I, «соединя» картографический труд И. М. Евреинова и китайские материалы, составил «Карту географическая части Дальневосточной Сибири и Тартарии, а также новых земель Камчатки и Японских островов». Научная новизна данной работы состояла в том, что на ней между Азией и Америкой имелся пролив. Однако Новый Свет («Большая земля») показан в Восточно-Сибирском море напротив устьев Индигирки и Колымы [6, прил. II, № 17]. «Большая земля» примерно в тех же пределах, но в виде острова, нанесена на карте Ф. И. Табберта фон Страленберга «Новое географическое описание Великой Татарии... со всей Российской империей и в особенности Сибири» (1730 г.), составленной при содействии шведского капитана-картографа И. А. Маттерна. Страленберг, систематизировав данные письменных, картографических источников XVII–XVIII вв. и устных свидетельств о северо-востоке Сибири, полученные им во время пребывания в Тобольске с 1711 по 1721 г. и участия с марта 1721 по май 1722 г. в путешествии Д. Г. Мессершмидта (1719–1727 гг.), показал на карте возможность морского пути из Северного Ледовитого океана в Тихий [2, № 74]. Допущенные Кириловым и Страленбергом неточности в очертаниях и расположении Чукотского и Камчатского полуостровов и Курильского архипелага не воспрепятствовали международной декларации прав России на эти области и стимулировали их дальнейшее изучение и картографирование.

Подписанные в 1727 г. прелиминарное Буринское соглашение и Кяхтинский договор установили границу между Российской и Китайской империями, решили многие территориальные споры держав, имевшие место после Нерчинского договора 1689 г., актуализировали необходимость расстановки пограничных знаков (маяков) и картографирования новой демаркационной линии от хребта Шабин-Дабага на западе до рек Аргунь и Амур на востоке. Руководство этими работами было возложено на главу российского посольства в Китай С. Л. Владиславича-Рагузинского, дипломатический талант которого стал залогом заключения названных выше соглашений. Для этой цели в команде посла изначально находились геодезисты А. И. Кушелев, М. Зиновьев, И. Валуев, к которым вскоре присоединились П. Н. Скобельцын, В. Шетиллов, И. С. Свистунов и Д. Баскаков, известные как «Скобельцын с товарищи». Результатами съёмочно-картографических работ названных геодезистов на русско-китайской границе стали две ландкарты 1728 г., составленные А. И. Кушелевым и помощниками с учетом материалов «Скобельцына с товарищи». С оригиналов карт, которые до сих пор не обнаружены, в 1729 г. были сняты копии, переданные С. Л. Владиславичем-Рагузинским в Коллегию иностранных дел⁴. Историк картографии А. В. Постников отмечает точность геодезистов в картировании пограничной линии и знаков, но ограниченность и схематичность в отображении элементов ландшафта прилегающей территории Забайкалья и Приамурья. Ученый объясня-

⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА. Д. 25576; Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Сношения России с Китаем. 1729 г. Д. 4. Л. 7 об.–8

ет это распространенной в то время практикой геодезической съемки по узкому маршрутному ходу [11, с. 92–93]. Соглашаясь с исследователем, считаем, что, наряду с научной практикой, факторами, сказавшимися на качестве работ геодезистов, стали их неопытность, сжатые сроки и пространная территория картографирования, сложные природно-климатические условия, проблемы с транспортом, проводниками, продовольственным и материально-техническим снабжением. В дополнение к этому погрешность могла быть привнесена копиистом.

Работы А. И. Кушелева, М. Зиновьева и И. Валуева легли в основу «Новой ландкарты разграничения между Российской империей, Сибирскими Землями и Китайскими Владениями» И. К. Кирилова, подготовленной в 1730 г. в масштабе 1:2 500 000 и псевдоцилиндрической трапециевидной проекции [1, л. 17–18; 8, с. 48–50]. На карту экстраполированы основные качественные характеристики материалов геодезистов. Стоит особо отметить, что на втором (правом) листе карты в северных районах Дальнего Востока (от современной Республики Бурятия до Хабаровского края) помещен большой картуш с подробным наименованием и пояснением к изображению [1, л. 18]. Мы считаем, что данная вставка имеет не только декоративное и пояснительное назначение, но и закрывает те местности, которые Кушелев и помощники картографировали по расспросам, старым чертежам или не отображали вовсе. И. К. Кирилов, не имея дополнительных источников по географии данных областей, нашел оригинальный, но ненаучный выход из положения.

Обзорные карты и «Атлас Всероссийской Империи» (1730-х гг.) И. К. Кирилова маркируют завершение этапа в развитии картографии в России, характеризуемого внедрением научной формы в производство картографических материалов, которая не всегда обеспечена географо-геодезическим и астрономическим обоснованием, полученным в ходе полевых исследований, и, как следствие, не означает точного отображения пространства. Ценность работ Кирилова в том, что в них систематизированы и достижения, и проблемы российской картографической науки в данный период, продемонстрированы «белые пятна» на карте Дальнего Востока, обозначающие направления новых исследований.

Выдающийся историк и географ В. Н. Татищев в 1739 г. писал, что составленные Кириловым карты «так худы, что во употребление не годятся» [6, с. 135]. Татищев отмечал необходимость подготовки новых карт, базирующихся не на единичной съемке маршрутного хода, а на сети таких ходов и системе съемок [12, с. 147]. Академик Ж.-Н. Делиль, соглашаясь с историком, считал также необходимым для составления точных карт проведение систематических астрономических наблюдений для определения географических координат, составление детальных географических и комплексных страноведческих описаний [6, с. 120–131]. В обозначенной Делилем и Татищевым парадигме свои исследования осуществили участники Второй Камчатской экспедиции (ВКЭ).

В составе ВКЭ (1733–1743 гг.) геодезистами из отряда «Скобельцын с товарищи» была подготовлена комплексная карта российско-китайской гра-

ницы от верховий Енисея до Аргуни и Амура. Данная карта, как и остальные работы этой группы геодезистов, систематизировала результаты многократных геодезических съемок и инструментальных определений широт пунктов, была выполнена на математической основе, уточняла труды предшественников и их более ранние материалы⁵. Также, по заданиям В. И. Беринга, Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина, П. Н. Скобельцыным и В. Шетиловым была обследована и картографирована огромная дальневосточная территория: от областей Бурятии и Якутии в Ангаро-Ленском междуречье и Якутской провинции до Нерчинска, Приамурья и Охотска. На этих картах впервые получили верное отображение: бассейны Лены, Олёкмы, Алдана, Май, Юдомы, Амура, Аргуни, Амазара, Шилки, других рек и водоемов, отроги Яблонового, Станового, Верхоянского хребта, другой рельеф и растительность, сухопутные и водные дороги, русские и аборигенные населенные пункты [10, с. 117–119, 156–161]. В 1742 г. П. Н. Скобельцын в составе тихоокеанского отряда под командованием М. П. Шпанберга участвовал в геодезической съемке, географических исследованиях и описаниях Курильских островов, по результатам которых были составлены первые точные карты архипелага, де-юре закрепившие его за Россией. Свои карты геодезисты дополняли каталогами топографических съемок и инструментальных наблюдений, географическими и этнографическими описаниями [16, с. 180–188].

Материалы П. Н. Скобельцына и В. Шетилова, как и отдельные научные труды их коллег по академическому отряду ВКЭ, использовались при подготовке партикулярных карт областей Дальнего Востока и Генеральной карты Российской империи академического «Атласа Российского...» 1745 г. [4]. Данное издание, безусловно, является крупной вехой в развитии российской научной картографии. Все карты собрания имеют научную основу, принципы построения и обоснования (геометрический и астрономо-геодезический), которые изложены во введении, единую систему условных знаков, отраженную в легенде. Однако картографические изображения «Атласа Российского...» могли быть еще точнее. Во-первых, это позволял учет не единичных, а всех определений долгот, выполненных в ходе ВКЭ методами практической астрономии геодезистом А. Д. Красильниковым. Во-вторых, северо-восток Сибири, вероятно, приобрел бы более верные очертания, имея в своем распоряжении Ж.-Н. Делиль, Х. Н. фон Винсгейм, Г. Гейнзиус, Л. Эйлер и другие авторы «Атласа Российского...» итоговые картографические материалы Восточно-Ленского и Тихоокеанских морских отрядов ВКЭ, многие из которых поступили в российскую столицу значительно позже публикации издания и были засекречены [13, с. 59–68]. Картографы знали о проливе между Азией и Америкой, но отсутствие необходимых сведений порождало сомнения в правильности его изображения. Об этом свидетельствует иллюстративная вставка, помещенная на Генеральной карте Российской империи между материками [4, Генеральная карта], закрывающая острова Диамиды и отвлекающая внимание от контуров континентальных побережий, которые не показаны и на врезке на специальной карте атласа [4, № 18].

⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 25592.

Определениями Красильникова и отдельными материалами морских отрядов ВКЭ воспользуется Г. Ф. Миллер при составлении совместно с И. Ф. Трускоттом карт российских открытий в северной части Тихого океана 1754–1758 гг. [16, с. 190–192], на которых показан Берингов пролив и уточнена береговая линия Дальнего Востока.

Успешные апробации в ходе экспедиций 1730–1740-х гг. академиком Ж.-Н. Делилем и его учеником А. Д. Красильниковым методик определения долгот по затмениям спутников Юпитера и кульминациям Луны, наблюдения астрономического явления прохождения Венеры по диску Солнца участниками академических экспедиций 1768–1774 гг. с целью выявления географических координат создали предпосылки для более точного картографирования Российской империи в целом и Дальнего Востока в частности.

Картографические работы, подводящие итог научному освоению Дальневосточного региона в изучаемый период, будут составлены руководителями правительственной Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции 1785–1795 гг. Дж. Биллингсом и Г. А. Сарычевым по материалам их собственных полевых исследований, астрономическим, геодезическим, географическим и гидрографическим данным работ других участников путешествия. Меркаторские карты «Северовосточной части Сибири, Ледовитого моря, Восточного Океана и Северозападных берегов Америки...» и «Охотского моря и морского берега от реки Охоты и Кухтуя до устья реки Алдомы» [3, л. 2, 17] с наибольшей точностью для данного времени отразили конstellации северо-востока Сибири, северо-запада Северной Америки и островов в Беринговом, Охотском морях и северной части Тихого океана. Составленная Дж. Биллингсом по результатам сухопутного путешествия «Меркаторская карта Чукотской земли» (1792–1793 гг.) станет первой достоверной картой Чукотского полуострова [5, с. 439–441].

В статье с методологических позиций неоклассической парадигмы исторической науки, антропологического и пространственного поворотов, междисциплинарного подхода проанализированы карты Дальнего Востока XVIII в., составленные участниками российских научных экспедиций и на их основе. Рассмотрены эволюция картографического метода в России и ее влияние на форму и содержание итогового результата. Выявлено, что математическая основа многих карт дальневосточных областей России, составленных до соответствующих трудов участников Второй Камчатской экспедиции, не подкреплялась достаточным астрономо-геодезическим обоснованием. Следовательно, научная форма карты не всегда свидетельствовала о точности ее содержания, как считалось многими исследователями ранее. Изучение обстоятельств и целей создания карт, их бытования от первоисточников до частей обзорного изображения или географического собрания в корреляции с уровнем научного освоения отображаемой местности дало основание для аргументированных предположений о функции и назначении иллюстративных и иных компонентов картографического содержания. На ряде примеров продемонстрировано, что качественные характеристики картографического изображения зависят от профессионализма и технико-технологического

оснащения его автора (геодезиста, картографа, копииста). Таким образом, исследованные картографические труды и материалы являются ценными источниками для комплексного изучения истории академических и правительственных экспедиций на Дальний Восток, научного освоения региона и картографии как науки в России в указанный период.

Список литературы

1. Атлас Всероссийской Империи. Собрание карт И. К. Кирилова. СПб., 1722–1737. 41 л.
2. Атлас географических открытий в Сибири и Северо-Западной Америке XVII–XVIII вв. М. : Наука, 1964. 136 с.
3. Атлас карт и рисунков к путешествию в Северо-восточную часть России и на острова северной части Тихого океана флота капитана Г. Сарычева. СПб. : [б. и.], 1802. 51 л.
4. Атлас Российский, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями. СПб. : Тип. АН, 1745. 10 с., 20 л.
5. Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути. М. : Морской транспорт, 1956. Т. 1. 592 с.
6. Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII в. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1946. 446 с.
7. Евтеев О. А. Первые русские геодезисты на Тихом океане. М. : Гос. изд-во геогр. лит., 1950. 106 с.
8. Новлянская М. Г. И. К. Кирилов и его Атлас Всероссийской империи. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. 78 с.
9. Петрова О. С. «Карта важнее текста...»: историческая картография в контексте пространственного поворота // Российская империя как культурно-историческое пространство: источники и методы исследования. СПб. : Алетей, 2023. С. 35–44.
10. Постижение России. Топография Сибири XVIII в. в графических документах Даниэля Готлиба Мессершмидта и Второй Камчатской экспедиции в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук. СПб. : Реноме, 2023. 267 с.
11. Постников А. В. История географического изучения и картографирования Сибири и Дальнего Востока в XVII – начале XX века в связи с формированием русско-китайской границы. М. : ЛЕНАНД, 2015. 388 с.
12. Постников А. В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт. М. : Наука, 1985. 216 с.
13. Постников А. В. Русская Америка в географических описаниях и на картах 1741–1867 гг. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. 479 с.
14. Савельева И. М. Пространственный поворот и всемирная история // С любовью к науке. К юбилею Т. А. Тоштендаль-Салычевой. М. : РГГУ, 2021. С. 53–70.
15. Селунская Н. Б. Интерпретация «исторического пространства» в историографическом дискурсе // Российская империя как культурно-историческое пространство: источники и методы исследования. СПб. : Алетей, 2023. С. 15–24.
16. Шупилов И. А. Академические экспедиции XVIII века: роль вспомогательного персонала в изучении Сибири. Новосибирск : СО РАН, 2023. 368 с.

References

1. *Atlas Vserossiiskoj Imperii. Sobranie kart I.K. Kirilova* [Atlas of the All-Russian Empire. Collection of I.K. Kirilov's maps]. Saint Petersburg, 1722-1737, 41 p.
2. *Atlas geograficheskikh otkrytij v Sibiri i Severo-Zapadnoj Amerike XVII–XVIII vv.* [Atlas of geographical discoveries in Siberia and Northwestern America of the 17th–18th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 136 p.
3. *Atlas kart i risunkov k putestestviyu v Severo-vostochnuyu chast Rossii i na ostrova severnoj chasti Tikhogo okeana flota kapitana G. Sarycheva* [Atlas of maps and drawings for a fleet of Captain G. Sarychev' trip to the Northeastern part of Russia and the islands of the North Pacific Ocean]. Saint Petersburg, 1802. 51 p.
4. *Atlas Rossijskij, sostojashchij iz devjatnadsati spetsialnykh kart, predstavljajushchikh Vserossijskuyu imperiyu s pogranichnymi zemljami* [The Russian Atlas, consisting of nineteen special

maps representing the All-Russian Empire with borderlands]. Saint Petersburg, Tip. AN Publ., 1745. 10 p., 20 sh. (in Russian)

5. Belov M.I. *Istorija otkrytija i osvoenija Severnogo morskogo puti* [The history of the discovery and development of the Northern Sea Route]. Moscow, Morskoj transport Publ., 1956, vol. 1, 592 p. (in Russian)

6. Gnucheva V.F. *Geograficheskij departament Akademii nauk XVIII v.* [Academy of Sciences' Geographical Department in the 18th century]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1946, 446 p. (in Russian)

7. Evteev O.A. *Pervye russkie geodezisty na Tikhom okeane* [The first Russian surveyors in the Pacific Ocean]. Moscow, Gos. izd-vo geogr. lit. publ., 1950, 106 p. (in Russian)

8. Novljanskaja M.G. *I.K. Kirilov i ego Atlas Vserossijskoj imperii* [I. K. Kirilov and his Atlas of the All-Russian Empire]. Moscow, Leningrad, AN SSSR publ., 1958. 78 p. (in Russian)

9. Petrova O.S. “Karta vazhnee teksta...”: istoricheskaja kartografija v kontekste prostranstvennogo povorota [“The map is more important than the text...”: historical cartography in the context of spatial rotation]. *Rossijskaja imperija kak kulturno-istoricheskoe prostranstvo: istochniki i metody issledovanija* [The Russian Empire as a Cultural and Historical Space: sources and research methods]. Saint Petersburg, Aleteija Publ., 2023, pp. 35-44. (in Russian)

10. *Postizhenie Rossii. Topografija Sibiri XVIII v. v graficheskikh dokumentakh Danielja Gotliba Messerschmida i Vtoroj Kamchatskoj ekspeditsii v Sankt-Peterburgskom filiale Arkhiva Rossijskoj akademii nauk* [Comprehension of Russia. Topography of Siberia of the 18th century in graphic documents by Daniel Gottlieb Messerschmidt and the Second Kamchatka Expedition in the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences]. Saint Petersburg, Renome Publ., 2023, 267 p. (in Russian)

11. Postnikov A.V. *Istorija geograficheskogo izuchenija i kartografirovanija Sibiri i Dalnego Vostoka v XVII – nachale XX veka v svjazi s formirovaniem russko-kitajskoj granitsy* [The history of geographical exploration and mapping of Siberia and the Far East in the 17th – early 20th century in connection with the formation of the Russian-Chinese border]. Moscow, Lenand Publ., 2015, 388 p. (in Russian)

12. Postnikov A.V. *Razvitie kartografii i voprosy ispolzovanija starykh kart* [The development of cartography and the use of old maps]. Moscow, Nauka publ., 1985. 216 p. (in Russian)

13. Postnikov A.V. *Russkaja Amerika v geograficheskikh opisanijakh i na kartakh 1741–1867 gg.* [Russian America in geographical descriptions and on maps 1741-1867]. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2000, 479 p. (in Russian)

14. Savel'eva I.M. *Prostranstvennyj povorot i vseмирnaja istorija* [Spatial rotation and world history]. *S ljubov'ju k nauke. K jubileju T. A. Toshtendal-Salychevoj* [With a love of science. To the anniversary of T. A. Toshtendal-Salycheva]. Moscow, RGGU Publ., 2021, pp. 53-70. (in Russian)

15. *Selunskaja N. B. Interpretatsija “istoricheskogo prostranstva” v istoriograficheskom diskurse* [Interpretation of the “historical space” in historiographical discourse]. *Rossijskaja imperija kak kulturno-istoricheskoe prostranstvo: istochniki i metody issledovanija* [The Russian Empire as a Cultural and Historical Space: sources and research methods]. Saint Petersburg, Aleteija Publ., 2023, pp. 15-24. (in Russian)

16. Shipilov I. A. *Akademicheskie ekspeditsii XVIII veka: rol vspomogatelnogo personala v izuchenii Sibiri* [Academic expeditions of the 18th century: The role of support personnel in the study of Siberia]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2023, 368 p. (in Russian)

Сведения об авторе

Шипилов Илья Александрович
старший научный сотрудник, сектор
археографии и источниковедения
Институт истории СО РАН
Россия, 630090, г. Новосибирск,
ул. Николаева, 8
e-mail: shipilof@yandex.ru

Information about the author

Shipilov Ilya Aleksandrovich
Senior Research Scientist, Sector of
Archeography and Source Studies
Institute of History SB RAS
8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090,
Russian Federation
e-mail: shipilof@yandex.ru

Статья поступила в редакцию **14.02.2024**; одобрена после рецензирования **15.04.2024**; принята к публикации **15.05.2024**
The article was submitted **February, 14, 2024**; approved after reviewing **April, 15, 2024**; accepted for publication **May, 15, 2024**